

«... император Западного похода Чжан Юэ, достигнув города Пэнчэн, заболел. Узнав об этом, князь Лу замыслил недоброе и отправился в Пэнчэн. Однако императрица Хэ преградила ему путь на полдороге. Князь Лу попытался прорваться силой, но был схвачен императрицей Хэ. Позже император выздоровел, но также невзлюбил князя Лу. Когда в регионе Ань поднялись мятежники, князь Лу был обвинен в преступлениях и изгнан из императорского рода, умер в...»

Цинь Цзянь читал эти строки, чувствуя, как сердце сжимается от боли. Он долго стоял у входа в лагерь, глубоко вздохнул и, наконец, вошел в главный шатер.

— Закончил? — услышав звук открывающейся двери, Цинь Юй понял, что это он.

Цинь Цзянь устался на кончики своих ботинок, долго молчал, а потом ответил:

— Закончил.

В шатре на мгновение воцарилась тишина. Цинь Юй, не услышав дальнейших слов, поднял голову и увидел его осторожный и робкий вид. Это вызвало у него одновременно раздражение и невольную жалость.

Спустя долгое время он вздохнул и поманил его рукой:

— Садись сюда.

Цинь Цзянь колебался, но все же сел рядом, опустив голову и не говоря ни слова, словно упрямо решил не разговаривать с ним.

— Держи, — Цинь Юй усмехнулся, бросив ему в руки грелку, чтобы согреть его замерзшие ладони. — Я знаю, что ты не замышлял ничего дурного.

Цинь Цзянь все еще молчал, его глаза наполнились слезами, а внутренняя боль превратилась в упрямство и обиду.

— Ха-ха... — Цинь Юй не мог сдержать смеха, легонько хлопнул его по лбу и сказал:

— Если бы это была обычная семья, я бы поблагодарил тебя за то, что ты приехал так далеко, чтобы навестить меня. Но ты — член императорского рода, и каждое твое слово, каждый поступок должны быть осторожными.

Цинь Цзянь поднял голову, задумавшись. Цинь Юй посмотрел на него с серьезным выражением лица:

— Поэтому в трудные времена ты не можешь принимать решения, основываясь на личных чувствах. Ты должен знать, что можно делать, а что нельзя. Если бы со мной действительно что-то случилось, и ты один приехал бы сюда, твоя жизнь оказалась бы в опасности. Если бы со мной ничего не случилось, твой поспешный приезд вызвал бы подозрения.

Цинь Цзянь смотрел на него некоторое время, а затем внезапно поднял край своей одежды и упал на колени:

— Племянник виноват, прошу дядю наказать меня.

— Ладно, — Цинь Юй поднял его, зная, что урок усвоен. — Вернись и извинись перед господином Чжао, будь почтителен и не проявляй небрежности.

— Да.

Цинь Юй улыбнулся, и Цинь Цзянь вдруг почувствовал стыд. Оглядевшись, он встал и сказал:

— Тогда... племянник возвращается.

— Дядя скоро разгромит армию Миньюэ, хочешь остаться и посмотреть?

— Можно? — Цинь Цзянь резко обернулся, не отрывая от него взгляда.

Ну и бестолковый! Цинь Юй закатил глаза, чувствуя легкое сожаление, и сказал:

— Пусть Ли Хань устроит тебе жилье.

— Спасибо, дядя, — Цинь Цзянь поклонился и собрался уходить.

— Подожди, — Цинь Юй остановил его и бросил ему книгу. — Прочти это сегодня вечером, иначе завтра отправляйся обратно.

— Слушаюсь, — Цинь Цзянь схватил книгу и быстро вышел.

Эх... Он ведь уже женат, почему же все такой же неугомонный? Цинь Юй сидел, покачивая головой, а затем вдруг рассмеялся.

На горизонте, в сумерках, раздался топот копыт, который, обогнув подножие горы, исчез в другом направлении.

— Сколько еще осталось?

— Еще час пути.

Лю Яньшэнь кивнул, его ладони невольно вспотели, и он крепче сжал поводья:

— Будьте осторожны с дозорными армии Юн.

— Да.

В лагере князя Цзинь звуки ночных дозоров повторялись снова и снова, солдаты в лагере уже привыкли к ним и спали крепким сном, а часовые на вышках полулежали, прислонившись к перилам.

Вдруг в их глазах мелькнул оранжево-красный свет. Часовые насторожились и открыли глаза. На северо-западе, в лагере Хэ Тяо, полыхал огонь, но они были слишком далеко, чтобы услышать крики.

— Князь! — Ань Цзыци распахнул дверь шатра, не успев доложить, и встал перед князем Цзинь. — Лагерь Хэ Тяо горит.

— Хм, — в темноте князь Цзинь глухо ответил, затем, после паузы, поднялся:

— Собери армию.

— Да! — Ань Цзыци вышел широкими шагами.

За пределами лагеря, на северо-западе, пламя разгоралось еще сильнее, и все могли видеть

этот яростный пожар.

Цинь Юй, сидя на лошади, вместе с ними смотрел туда и вдруг сказал:

— Ли Хань.

— Князь.

— Пусть князь Аньсян идет с армией.

— Да.

Натянув поводья, Цинь Юй развернул скакуна, резко хлестнул его, и боевой конь с ржанием помчался в ночь.

— Лагерь Хэ Тяо горит, похоже, канцлер Лю добился успеха, — Чан Жун почтительно доложил.

Сыма Шаоцзюнь стоял, сложив руки за спиной, глядя в сторону лагеря Бэйюн. После короткого молчания он сказал:

— Чу Чжан останется здесь.

Он сел на коня, и его плащ развевался на ветру, пока он исчезал в темноте.

В заливе Байвань корабли стояли аккуратными рядами у пристани. Казалось, что пожар в лагере Хэ Тяо еще не достиг этого места, и в лагере царила тишина, только обычная охрана.

Чан Жун, глядя на порт неподалеку, нахмурился и махнул рукой. Солдаты Миньюэ бесшумно приблизились.

— Враг! Враг!..

Внезапно раздался звук гонга, но было уже поздно. Лагерь в заливе Байвань погрузился в хаос...

На севере, на краю горизонта, раздался гул копыт, который становился все громче. Цинь Цзянь, сидя на лошади, смотрел на железных всадников, следующих за ним по бокам, и в его сердце вспыхнуло волнение. Он повернул голову и увидел князя Цзинь, сидящего на коне, его глаза пристально смотрели вперед с невиданной прежде серьезностью.

— Дядя, — Цинь Цзянь колебался, а затем спросил:

— Почему мы идем в залив Байвань?

— Потому что там армия Миньюэ.

Почему? Цинь Цзянь хотел спросить, но постеснялся. Цинь Юй посмотрел на него сбоку и продолжил объяснение, глядя вперед:

— Сыма Шаоцзюнь думает, что я тяжело болен. После пожара в лагере Хэ Тяо, по привычке Ань Цзыци обязательно пойдет в атаку на центральные силы Миньюэ, чтобы решить исход битвы. Поэтому в лагере Миньюэ ждут засады на Ань Цзыци, но на самом деле их цель — залив Байвань.

Сыма Шаоцзюнь понимает, что в нынешней ситуации армия Миньюэ, оставаясь в Цзянбэй, обречена. Поэтому, оказавшись в невыгодном положении, он все еще противостоит армии Великой Юн, чтобы найти возможность вернуться в земли У.

Несколько боевых кораблей в лагере залива Байвань — его единственный шанс. Зная, что я тяжело болен, Сыма Шаоцзюнь уверен, что армия Великой Юн больше не будет действовать слаженно, поэтому атака на залив Байвань имеет высокие шансы на успех.

Как только залив Байвань будет захвачен, армия Миньюэ немедленно погрузится на корабли и отступит, а Чу Чжан, устроивший засаду на Ань Цзыци, отойдет к переправе Пиньяо и продолжит противостояние с армией Великой Юн, опираясь на переправу.

Армия Великой Юн, лишённая всего, сможет только наблюдать. Если император Мингуан вернется целым и невредимым, обширные земли У дадут ему возможность вернуть все. Поэтому вся армия Миньюэ может отступить, но только не Сыма Шаоцзюнь.

При этой мысли лицо Цинь Юй омрачилось. Впереди внезапно раздался шум, и он поднял голову, глядя на воду.

— Дядя, залив Байвань атакован! — Цинь Цзянь указал вперед, в его сердце больше было восхищения.

— Ань Цзыци!

— Я слушаюсь, господин.

Яркий красный плащ маркиза Ань выделялся даже в темноте. Он высоко поднял хлыст и повел железных всадников армии князя Цзинь в стремительную атаку.

Железные всадники под командованием маркиза Ань были чрезвычайно храбрыми, и даже сам князь Цзинь признавал, что в лобовой атаке им нет равных. Всадники ворвались в ряды армии Миньюэ, быстро прорвали оборону и разделили армию на две части.

Цинь Юй, сидя на коне, смотрел вперед, но вдруг нахмурился.

— Дядя? — Цинь Цзянь смотрел на него с удивлением. Наша армия полна энтузиазма, что может беспокоить?

— Ли Хань! — Цинь Юй резко развернулся и помчался на восток, прежде чем Ли Хань успел среагировать.

— Князь! — Ли Хань, поняв, что происходит, немедленно бросился за ним. — Князь, нужно ли передать приказ маркизу Ань? В батальоне охраны всего две тысячи человек, и если они столкнутся с большой армией, их жизнь окажется под угрозой.

— Не нужно, — Цинь Юй крепко сжал поводья, его руки были мокрыми от пота. — Срочно к переправе Пиньяо.

Скоро рассветет, и сероватый свет начал окутывать землю. Цинь Юй, бледный от тряски, смотрел на тонкий свет на горизонте, словно видел Сыма Шаоцзюня, стоящего на берегу и смотрящего на него.

Шаоцзюнь, я больше не могу позволить тебе уйти. Не могу... Эта полувековая путаница должна

закончиться!

В лагере залива Байвань Чан Жун повел армию в отступление. Битва уже стабилизировалась, и Ань Цзыци приказал передать сообщение князю Цзинь, а сам соскочил с коня, чтобы найти Минь Кэ.

— Маркиз.

— Что сказал князь? — Ань Цзыци поднял голову и спросил.

— Князя нет, говорят, он поспешил к переправе Пинъяо.

Переправа Пинъяо? Ань Цзыци удивился, но, прежде чем он успел что-то сказать Минь Кэ, снова появился дозорный.

— Доложите маркизу, армия Чу Чжана, не сумев устроить засаду, отступила к переправе Пинъяо.

— Вперед! — Голос Ань Цзыци изменился, и он оттолкнул всех вокруг. — На помощь к переправе Пинъяо.

На переправе Пинъяо, среди обгоревших и разрушенных причалов, стояла маленькая лодка. Сыма Шаоцзюнь посмотрел в сторону залива Байвань и покачал головой. На берегу висел туман, и он, глядя на него, тихо рассмеялся.

— Ваше Высочество, одной лодки достаточно, чтобы уехать.

Он шагнул на палубу, глядя на реку, и вдруг почувствовал сильную тоску. Ухватившись за руку охранника, он уже собирался подняться на лодку.

Свист...

<http://bllate.org/book/16170/1453466>